

Славин Иван Яковлевич

Рассказы и путевые наброски

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Яковлевич С.**
Рассказы и путевые наброски / Славин Иван Яковлевич – М.: Книга по Тре-
бованию, 2025. – 233 с.

ISBN 978-5-519-73899-6

ISBN 978-5-519-73899-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВСТРѢЧА.

Всему на свѣтѣ есть предѣлъ —
Любви, и злобѣ, и страданью,
Но безконечность Богъ велѣлъ
Дать одному воспоминанью...

Байронъ.

Поѣздъ слегка дрогнулъ и остановился; загудѣлъ звонокъ.

— Станція Березняки, поѣздъ стоитъ пять минутъ! — слышалось съ платформы.

Николай Ивановичъ Климовъ очнулся, привсталъ и, протирая глаза, сталъ вглядываться въ окно вагона. Сквозь покрытыя густымъ инеемъ стекла онъ видѣлъ только какія-то матовыя, расплывающіяся въ ночномъ морозномъ туманѣ пятна.

— Березняки... думалъ про себя Климовъ, — да, да, здѣсь... Оля... Давно это было, давно...

Климовъ опять разлегся на мягкомъ пружинномъ диванѣ, закутался съ головой въ пледъ и задремалъ. Сквозь сонъ онъ слышалъ, какъ отворилась дверь вагона, и кондукторъ кого-то привелъ въ то отдѣленіе, которое Климовъ уже нѣсколько станцій занималъ одинъ. — „Пожалуйте, вотъ здѣсь есть мѣсто“... — долетѣло до него. Смутно

слышалъ онъ, какъ кого-то усаживали, укладывали вещи. Онъ не могъ открыть глазъ и пошевелиться: сладкая дремота охватила его... Скоро сознание совсѣмъ оставило его.

Онъ уже не въ вагонѣ, а въ Березнякахъ. Онъ молодъ, полонъ силъ, надеждъ. Предъ нимъ высокая стройная шатенка съ лучистыми глазами.. Смолистый аромат распускающейся листвы, бездонная синева неба, ласкающая мягкость весны, разлитая въ воздухъ—все это наполняло Климова пріятной нѣгой, томительной истомой. Какъ хорошъ кажется ему міръ Божій! Климовъ долго и внимательно смотритъ на легкія и перистыя облачка, бороздящія небесную лазурь, и любитъ лучистыми глазами Олю... Ему хочется сказать многое, но онъ не знаетъ, какъ начать... Вотъ залитый солнцемъ и утонувшій въ зелени деревенскій домъ, и опять Оля; въ рѣчахъ своихъ она горитъ порывами къ хорошему, полезному дѣлу, она стремится на высшіе женскіе курсы, мечтаетъ о поступленіи на сцену, жаждетъ правды, добра, служенія меньшему обездоленному брату... Вотъ лѣтній вечеръ. Они вдвоемъ плывутъ на лодкѣ, лѣниво ударяя веслами по водѣ и немолчно разговаривая; на верхушкахъ ветелъ деревенскаго пруда догораютъ розовые блики вечерней зари... Оля зардѣлась отъ его перваго поцѣлуя и на одно мгновеніе уронила свою головку на его плечо, потомъ вырвалась и убѣжала, закрывъ лицо руками. Климовъ

бросился слѣдомъ за ней, но не можетъ догнать, въ изнеможеніи падаетъ и—про-сыпается...

Было уже свѣтло. Въ окно вагона смотрѣлось хмурое зимнее утро. Оглядѣвшись, Климовъ замѣтилъ, что противъ него сидѣла дама, плотно укутавшаяся въ ротонду; изъ-подъ бѣлой мѣховой, надвинутой на брови, шапочки кокетливо сбѣгали на лобъ и виски легкіе пушистые завитки волосъ. Климовъ оправился, привсталъ и взглянулъ на сосѣдку... „Не можетъ быть такого сходства“,—подумалъ онъ про себя—но... это она, она... Ему показалось, что на него глянуло милое далекое прошлое; чѣмъ-то роднымъ и безконечно пріятнымъ повѣяло на него изъ этихъ хорошо ему знакомыхъ лучистыхъ глазъ. Не было сомнѣнія: предъ нимъ Оля; годы оставили свои слѣды на ея лицѣ, но это ея глаза, ея ямочка на подбородкѣ...

— Простите меня,—заговорилъ несмѣло Климовъ, обращаясь къ сосѣдкѣ,—если не ошибаюсь, я вижу передъ собой Ольгу Васильевну.

— Да, вы не ошиблись: это я.

Климовъ весь какъ-то вострепнулся; онъ порывисто схватилъ руку Ольги Васильевны и крѣпко поцѣловалъ ее.

— Господи, вотъ не ожидалъ... Вѣдь почти десять лѣтъ не видѣлись,—началъ несвязно Климовъ то вставая, то опять при-саживаясь.—Какъ я радъ... Господи, какъ я радъ! Вы вѣрите этому? Да?.. Ну, рассказывайте—откуда вы, куда, что съ вами?

Ольга Васильевна, улыбаясь, слушала Климова.

— Очень я перемѣнилась?—заговорила она,—вы меня не сразу узнали. Я очень постарѣла?.. Да?

— Гдѣ вы сѣли, куда ѣдете,—прервалъ ее Климовъ.

— Я сѣла въ Березнякахъ. Ёду отъ мамы къ мужу. Скоро буду на мѣстѣ: еще одна станція—и я дома.

— Вы замужемъ? Давно?..—вполголоса протянулъ Климовъ.

— Да, уже пять лѣтъ.

— Счастливы?.. Простите за нескромный вопросъ...

— Да, счастлива... У меня двое дѣтей, которыхъ я очень люблю. Вотъ везу имъ отъ бабушки къ празднику подарки. Ахъ, если-бы вы могли видѣть, какія они у меня милыя, славныя, умныя... Ну, а вы что, женаты? Что подѣлываете?

Климовъ притихъ, вглядываясь, какою нѣжностью и лаской горѣли глаза Ольги Васильевны, когда она говорила о своихъ дѣтяхъ.

— А вы не забыли—началъ Климовъ—ваши былые порывы и стремленія на курсы, на дѣло служенія народу... Умерло все это? погасло?

— Молодость... вполголоса и медленно вмѣсто отвѣта проговорила Ольга Васильевна, вглядываясь пристально въ окно.—Что же вы мнѣ о себѣ ничего не расскажете?

— Ахъ, да... Я холостъ, попрежнему одинъ, служу; служба идетъ недурно. Ёду въ отпускъ къ роднымъ—вотъ вамъ весь мой формуляръ.

— Вѣдь, и у васъ были порыванія... Что съ ними стало?—съ улыбкой спросила Ольга Васильевна.

— Не спрашивайте... Какія это порыванія? Жизнь отлично пристраиваетъ ихъ и всѣмъ находитъ мѣсто... Вотъ что вы мнѣ скажите,—началь Климовъ, понизивъ голосъ и пристально всматриваясь въ глаза своей собесѣдницы,—и скажите откровенно, не смотря на всю дерзость и, можетъ быть, неумѣстность моего вопроса. Онъ мучитъ иногда меня... Вотъ вы скоро будете дома, и мы съ вами разстанемся и разстанемся, можетъ быть, навсегда. Мнѣ хочется знать... не сердитесь: въ свое время мы съ вами объ этомъ не говорили, не до того тогда было...

Климовъ приостановился. Ольга Васильевна насторожилась и откинулась на спинку дивана.

— Любили вы меня или нѣтъ? Тогда... помните?—тихо выговорилъ Климовъ.

Она отвѣтила не сразу и, подумавъ, спросила: А вы какъ думаете?

— Не знаю, ничего не знаю,—какимъ-то страдальческимъ тономъ протянулъ Климовъ.

Ольга Васильевна молчала и съ улыбкой смотрѣла на него.

— Скажите только: да, или нѣтъ,—допытывался онъ.

— Зачѣмъ это вамъ? Вѣдь это далекое прошлое, умершее, а вы знаете, что мертвыхъ съ погоста не носятъ.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

— Кто вашъ мужъ?—угрюмо спросилъ Климовъ съ очевидной цѣлью прервать молчаніе.

— Онъ—помѣщикъ, занимается хозяйствомъ, живетъ въ деревнѣ.

Послышался свистокъ; поѣздъ замедлилъ ходъ.

— Вы меня простите, Ольга Васильевна,—началъ Климовъ,—я, кажется, заговорился. Но помните, какъ это въ „Демонѣ“: на днѣ старинной раны зашевелилась грусть моя.

Ольга Васильевна привстала.

— Время излѣчиваетъ всякія раны!—бросила она въ сторону.—Ну, мнѣ надо собираться: я сейчасъ буду дома; отъ станціи только 6 верстъ до нашей деревни...

Климовъ помогъ обратъ вещи, накинулъ на нее ротонду и, когда поѣздъ остановился, вышелъ вмѣстѣ съ ней на платформу.

— Хотѣлось-бы мнѣ сказать: до свиданія,—началъ Климовъ, цѣлуя ея руку.

— Прощайте,—услышалъ онъ.

Скоро раздался послѣдній звонокъ, загудѣлъ свистокъ, Климовъ вскочилъ на площадку вагона. Поѣздъ началъ двигаться...

— Теперь я отвѣчу на вашъ вопросъ,—заговорила Ольга Васильевна, идя на ряду съ медленно двигавшимся вагономъ, на

площадкѣ котораго стоялъ Климовъ,— слышите? *да, да!*.. слышите? да...

Поѣздъ шелъ уже полнымъ ходомъ и въ туманѣ морознаго утра исчезла платформа, на которой стояла Ольга Васильевна...

ВЪ РОДНОМЪ ГНѢЗДѢ.

На маленькой желѣзнодорожной станціи, затерявшейся въ степяхъ X—ской губерніи, ожидали прохода поѣзда. Среди небольшой, но разношерстной толпы, пестрѣвшей въ залѣ и на платформѣ станціи, выдавалась фигура благообразнаго старичка, спокойно расположившагося на одной изъ широкихъ скамеекъ. Бритый, въ длинномъ сюртукѣ, съ широкимъ шейнымъ платкомъ вмѣсто галстука, подпиравшемъ подбородокъ, старикъ этотъ напоминалъ барскаго дворецкаго бывшихъ крѣпостныхъ временъ. Онъ, видимо, обращалъ на себя общее вниманіе. Это можно было замѣтить потому, что почти всѣ бывшіе на станціи, начиная съ начальника и кончая кабатчикомъ ближняго села—мѣстнаго „отца и благодѣтеля“ изъ типа Разуваевыхъ—всѣ подходили къ нему, задавали вопросы и, получивъ отвѣты, удивленно пожимали плечами и спѣшили сообщить слышанное другимъ.

— Парфенъ Семенычъ, наше вамъ-съ! молодцовато подскочила къ старику чуйка кабатчика.

— Здравствуйте, какъ-то нехотя проговорилъ старикъ.

— Наслышаны мы, что за бариномъ пріѣхали?

— Да, пріѣхали.

— Что-жъ, они, примѣрно, на житіе въ свое имѣніе, аль такъ для развлеченія только на время?

— Почему я знаю.

— Тээкъ-съ... протянула чуйка и пощипала при этомъ свою бородку.— Можетъ, думаютъ продать? Что-жъ, дѣло хорошее. По нонѣшнему времени—самое барское.

Старикъ молчалъ.

— И этого не знаете-съ? А то покупатели будутъ... Какъ не быть, продолжала чуйка, не смущаемая молчаніемъ старика...

— Ты, Парфень, зачѣмъ здѣсь? пробасила ражая усатая фигура въ поддевкѣ, въ русской рубахѣ и высокихъ сапогахъ.

Парфень привсталъ.

— Я за бариномъ, Семенъ Гавриловичъ, почтительно отвѣтилъ онъ.

— За бариномъ? За Алексѣемъ Васильевичемъ?

— Точно такъ-съ.

— Ааа!?... удивленно и вопросительно пробасила поддевка. Что-жъ онъ на-долго сюда?

— Не могу знать-съ; письмо прислали, приказали ожидать съ этимъ поѣздомъ.

— Вотъ какъ! Что-жъ онъ съ барыней своей? Да?

— Не могу знать-съ...

— Григорій Ивановичъ, кричала поддевка бѣгущему мимо помощнику начальника

станціи, слыхалип -- Мальяновъ въ наши палестины ѣдетъ?

— Алексѣй Васильевичъ Мальяновъ? Какъ-же-съ, слыхаль, отвѣтилъ на бѣгу Григорій Ивановичъ и юркнулъ въ телеграфную.

Скоро вся станція знала о томъ, что мальяновскій баринъ ѣдетъ въ свою деревню. Вѣсть объ этомъ передавалась изъ устъ въ уста и у всѣхъ вызывала вопросы: зачѣмъ ѣдетъ баринъ, столько лѣтъ не бывавшій въ своемъ имѣніи и постоянно проживавшій въ Петербургѣ; долго-ли онъ пробудетъ, съ женою ѣдетъ или одинъ и т. д. Пока придумывались и предугадывались отвѣты на всѣ эти вопросы, приблизилось время прихода поѣзда. Загудѣли стонущіе переключки сторожевыхъ рожковъ; послышался свистокъ, становившійся все громче и громче по мѣрѣ приближенія поѣзда къ станціи; изъ залы всѣ высыпали на платформу. Поѣздъ подошелъ. Отворились дверцы вагоновъ. Парфенъ стоялъ, вглядываясь въ лица выходящихъ пассажировъ.

— Баринъ, Алексѣй Васильевичъ! воскликнулъ онъ порывисто, бросаясь къ молодому блондину, выступавшему изъ вагона 1-го класса. Парфенъ хотѣлъ поцѣловать руку у барина, но тотъ его обнялъ и, поцѣловавъ въ губы, проговорилъ:

— Здорово, здорово, Парфенъ. Узналъ?

— Какъ-же не узнать, помилуйте. Возмужали вы малость, а все узнать можно... Я побѣгу за вещами и багажемъ, Алексѣй Васильевичъ.